

Наталья Асенкова

СТАРА
ГНЕДЫХ

Наталья Асенкова

*Т*АРА
ГНЕДЫХ

BOSTON • 2024 • CHICAGO

Наталья Асенкова

Пара гнедых

Роман

Издание второе, исправленное и дополненное

Natalia Asenkova

A Pair of Bay Horses

Novel

Second edition, corrected and expanded

Copyright © 2024 by Natalia Asenkova

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 978-1-960533-31-9 (Hardcover)

Proofreading by Julia Grushko

Book design and layout by Yulia Tymoshenko

Cover design by Larisa Studinskaya

Published by M•Graphics | Boston, MA

📄 www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

In cooperation with Bagriy & Company | Chicago, IL

📄 www.bagriycompany.com

✉ printbookru@gmail.com

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая	9
Глава вторая	33
Глава третья	51
Глава четвёртая	75
Глава пятая	98
Глава шестая	152
Глава седьмая	181
Глава восьмая	197
Глава девятая	210
Эпилог	215

ОТ АВТОРА

В этой книге я старалась быть как можно ближе к художественной правде. Поэтому в ходе событий книги мной условно названы реальные города бывшего Советского Союза: Ленинград и Южно-Сахалинск, а также город Дагомыс. И хотя в основу повести положены некоторые бытовые факты, я предлагаю прочтению лишь *схему* того, что, по мнению моему, как автора этой книги, *было и будет*, хотя ни в коем случае *не должно быть*.

Именно последнее для меня важнее, чем первое, как и для всякого автора.

Наталья Асенкова

*Кто ж провожает её на кладбище?
Нет у неё ни друзей, ни родных.*

Старинный русский романс

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В этом парке был пруд, и плавали в нём утки и селезни. Они плавали быстро, ловко и энергично, с удовольствием ныряя и выбрасывая из воды красные перепончатые лапки. Из всех сил работали птицы лопатистыми своими клювами и добывали себе пищу не без труда. Отнюдь! С берега каждому человеку было прекрасно видно, как они трудились, бедняжки. Нет, и у них нелёгкой была жизнь по добыче хлеба насущного, хотя птицы, как известно, не сеют и не жнут. Люди, случалось, бросали птицам в пруд корочки хлеба. Да ведь хлеб размокал в воде и тонул. И значит нырять за ним бедняжкам-птицам всё-таки надо было, пока не канул тот хлеб в тёмной воде, не опустился совсем на глубокое дно пруда.

А кругом был раскидистый, просторный парк. Парк! Куда ни глянь — лишь стройные деревья да удобные скамейки с полугими спинками в чугунных узорах. Аллеи с высокими тополями и кудрявые цветущие кусты. Матовые листья тополей совершенно совпадали по цвету своей нежной, серебристой припылённости с раскидистой гибкой ивой, что росла над берегом пруда, низко наклонившись к воде. Только по форме листья тех тополей были совсем другими, не такими узенькими, как у ивы, трепетавшей под ветром всеми своими тонкими и запутанными ветвями.

Галя и Лена частенько сидели здесь, у пруда на берегу, в разное время года, хотя чаще, конечно, летом. Только когда начинался сильный ветер или дождь, они, разумеется, убегали. Как и все люди, наверное, которые тоже не любили сидеть

в парке на скамейке под ветром и дождём. А в грозу и тем более! Пусть даже то была летняя гроза, которая навечно засела, словно занозистая красotka, в сердце великого русского поэта Тютчева. Ведь это именно он признался, что любит грозу в начале мая. Кстати, любить что-то и кого-то никогда не было окончательно запрещено в России законом. Однако летом здесь, в парке, бывало просто хорошо сидеть, причём именно дивно, — у воды совсем не жарко, и густая, непробиваемая тень, отбрасываемая кронами деревьев, простиралась над иными скамейками.

Другие люди приходили в парк в разное время дня, чаще утром или после обеда, но Галя и Лена, когда случалось им сюда приходиться, появлялись здесь в одно и то же время, а именно около семи часов вечера, перед своей ночной нелёгкой работой, похожей то ли на пьяную дурь, то ли на этакую заковыристую, буйную, смачную, сумасшедшую и нелепую забаву. И, немного помолчав, Лена говорила своим мелодичным, неторопливым голосом одну и ту же заученную фразу, когда видела идущих им навстречу старушек с детьми или, например, парочку, без сомнения, крепко и навеки влюблённых:

— Смотри, Галка! Всё же песни наши народные совсем не врут! Нет, народ правду запечатал в наших песнях на века. Помнишь этот мотив? Помнишь, конечно. Я сейчас его тебе напою.

И Лена, привычно и легко взяв высокую ноту, начинала петь своим красивым, густым голосом:

А в нашем парке старом
Всё также ходят пары,
И бабушки с внучатами сидят.

Галя кивала головой в ответ и продолжала серьёзно. Говорила:

— Я люблю тебя, мой старый парк! Как это всё-таки утешает и отвлекает от несчастий — вот эта тишина и общение с природой!

У Гали был голос отнюдь не звонкий, как у Лены, но тоже мелодичный, хотя и хрипловатый порой. Это от сигарет. Она курила много, но не с таким удовольствием, как Лена. Она

курила нервно, бросая начатые пачки сигарет. Потом открывала новую и быстро докуривала её. Потом снова начинала искать в своей модной чёрной сумке начатую пачку своих неизменных «Мальборо». Так она выкуривала за какой-нибудь час три-четыре сигареты, не считая пары испорченных.

— Чёрт знает, сколько я трачу денег на сигареты, — иногда каялась она. — Но не курить я не могу, хоть расстреляйте! Привыкла я так — жить, как курить, вот так и живу. Как удаётся, словом. И пока иначе не могу. И ты тоже не можешь пока, дорогая моя Леночка! Ведь так?

— Но это именно *пока*, — тихо отвечала Лена. — Всё изменится, когда-нибудь, это точно. Я в этом уверена, как и в том, что бог подарил мне голос. Я пою, а это может не каждый человек. Хотя над голосом моим надо, конечно, работать. Так говорили ребята, то есть все наши музыканты нашей бывшей несчастной рок-группы.

Людям суждено иметь разные голоса, причём далеко не оперные, и суждено жить по-разному. Что тут поделаешь, если именно так наша славная жизнь устроена богом ли, дьяволом ли... Нет-нет да и проскальзывает в наших человеческих фразах нечто *нечеловеческое*, однако уже пережитое страной ли, народом ли советским, отдельным ли человеком, безвинно *пострадавшим за правое дело*. А за что же иных расстреляли, если не за беспощадную правду? Нельзя же до сих пор шлёпать просто так, потому что так хочется *тем, кто сидит наверху*. Вот и продолжается оно, ловкое и нарочитое скольжение в наших бытовых, даже незначительных речах, случается, идёт порой просто лавиной оно, теневое присутствие скользких, неразгаданных до сих пор вопросов. Ответ нужен, обсуждение одного вопроса требуется простым, но смышлёным гражданам. Да и притом можно ли забыть о существовании в России прославленных господином Чернышевским *проницательных читателей*? Вот поэтому до сих пор, видно, и обсуждается, и осуждается то одно, то другое. Никак не договориться в России! Оно и понятно: много в ней правдоискателей. Да ведь не будешь только есть, и спать, и деньги добывать, как это делается в других культурных зарубежных странах. Нет, не таковская она, простая наша Россия!

Итак — говорят. Говорят о разном. Говорят о живописи и о компилятивном, бездарном малярстве. Говорят о большой поэзии и о ничтожных личностях поэтов. Бывает, знаете! Скользящая тема. Вот, например, чувство любви. Разводы, конечно. Ну а потом, как водится, говорят о квартирном и жилищном вопросе, о пьянстве и разврате и т. д. и т. п. Ещё говорят о заработках и — как приложение к теме — говорят о профессии. О карьере тоже замечают, в связи с окладом. Словом — пусть его говорят, главное — чтобы темы подновляли одна другую.

Галя и Лена никогда не говорили между собой о своей профессии весьма уважительно или, например, с оттенком гордости. Но со смехом — бывало, обсуждали. Делились между собой впечатлениями, тесно связанными с профессией. Особенно Лена выражалась. Разумеется, лучше быть кинозвездой. Тогда уж не запугивают болезнями, алкоголизмом или психическими сдвигами. Но вот стать кинозвездой не удалось. Однако все россияне и граждане остальных советских республик читали известную повесть классика Александра Куприна об этой самой, тоже почти классической, женской, болезнетворной, но очень нужной древней и страшно живучей профессии!

Но им жизнь насущная не позволяла очень запугиваться, то есть Гале и Лене. Пугливые не носят почти натуральных шуб и позолоченных серёжек с бриллиантами, пусть также поддельными. И хотя Лена носила короткую серую шубку из искусственного меха, и перстень на её пальце был со стеклянным камнем, но зато выглядел он по цвету тёмно-синим, вполне натуральным сапфиром. Хороший, однако, был тот перстень, смотрелся, как дорогой. Зато у Гали на пальце сверкало натуральное золотое колечко, тонкое, изящное, и тоже, как и серьги на ней, с крохотными изумрудиками, зелёными камешками. И шуба у Гали была, понятно, тоже совсем не натуральная, хотя и роскошная шуба, модная, десять сантиметров ниже колена. И ко всему тому ещё и с капюшоном!

Говорят, что женщины этой профессии редко дружат между собой. Но Галя и Лена дружили вот уже целых два года, просто не расставались друг с другом. И в ресторан вместе, и в кино вместе, и в парк — вместе. И жили они тоже вместе, что, конечно, вполне естественно. Они снимали однокомнат-

ную квартиру в центре этого южного приморского города, куда их забросила судьба на том этапе их жизни. Они были вполне откровенны друг с другом ещё хотя бы потому, что не боялись соперничества.

Они были совсем разные по внешности и привыкли к тому, что всегда нравились совершенно разным по характеру и облику мужчинам. Гале нередко везло на блондинов, а Лену выбирали солидные немолодые мужики, шатены и брюнеты.

Да, они были разные и по характеру, и по *масти*, Галя и Лена, хотя и шли по жизни в те далёкие годы рядом, рука об руку, в одной упряжке, волоча свой тяжкий груз пережитого и соприкасаясь между собой обстоятельствами судьбы, словно пара гнедых лихих лошадок, рысаков, несущихся вперёд играючи, весело бренча колокольчиками. По возрасту, в отличие от внешнего облика, Галя и Лена были почти ровесницы. Галя была всего на два года старше Лены, и, по советской школьной системе обучения в те годы, Галя была всего на два класса впереди. Но учились Галя и Лена в разных школах и родились и выросли они в разных краях русской нашей пространной, но единой земли.

Галя была южанка, родившаяся неподалёку от наших приморских мест, жгучая брюнетка, без тени рыжинки в совершенно прямых жёстких волосах. Непонятная она была по национальности, Галя эта. А Лена была привычная для мужского жестокого взгляда — русая, голубоглазая, родом из Смоленска. Мимо неё не проходил равнодушно ни один знойный южанин, а рыжеватые финны, которые тоже причисляются к цивилизованным европейским народам, несмотря на закон, то ли сухой, то ли пьяный, который они и показывали в те времена во всём блеске неопровержимой правоты на территории азиатской страны России, обращали внимание исключительно на Галю. Хотя, бывало, что взоры их отнюдь не пылали восторгом, а наполнялись удивлением. Галя комментировала эти казусы в разговоре с Леной следующим образом:

— У меня ужасно некрасивое лицо, Лена! Это правда, сама вижу! Что поделаешь, такая у меня судьба. А на фигуру мою этот Де Артаньян не обратил никакого внимания. Да и мне стало глубоко наплевать на такую «любезность» в кавычках с его стороны. И я из принципа не встала со стула, чтобы

пройтись перед ним, как надо. Не хочет он меня, так и пусть один скучает. Свет на нём клином не сошёл. Мне не обидно нисколечко!

Но широкие чёрные брови её, которые Галя беспощадно выщипывала, всё равно хмурились, и Лена знала, что Галке ещё как обидно. Тогда Лена говорила, улыбаясь наивно и часто мигая, чтобы казаться задумчивее и значит — правдивее:

— Галинка! Клянусь, тебе почудилось! Он мне сказал тихо так, на ушко, что у тебя потрясающей красоты ноги. Ты сама с ним не пошла, мне кажется. Что-то ты себе вообразила о нём. Но я видела по нему — он был согласен насчёт тебя. Ты была ему отнюдь не безразлична. Просто тут Мишель возникла перед ним, ну, она помоложе, вот он и перекинулся к ней. Мишель постаралась ему понравиться, тем более что тебе-то было просто лень прогуляться по бару. Мишель изо всех сил кокетничала, бисеринками смеха рассыпалась, картавила, подмигивала ему. Она это умеет делать, всё-таки не даром она училась в театральном институте. Но вот если бы ты прошла бы перед ним своей неторопливой походочкой, в своей классической чёрной юбке с разрезом, — он бы втюрился в твои ноги мгновенно, этот Де Артаньян! Вообще он неплохо выглядит. Видно, что много не пьёт, почти трезвый он был, этот бравый парень. Да ещё и блондин. А ведь ты именно блондинам нравишься!

— Когда он тебе про мои ноги успел наплести? Не обманывай, Ленка, — нехотя говорила Галя.

— Я не обманываю, когда я вообще тебя обманывала? — восклицала Лена. — Да разве такое между нами случилось? Он это сказал, потому что ты от него отвернулась и с другим развела тары-барырастбары. Тот молодец был в доску пьян, я заметила. А этот парень был бравый, из моряков, мне кажется. И он надеялся в твоём отношении. Зря ты упустила свой шанс. Могло всё быть очень даже серьёзно!..

— Плохо надеялся, раз с Мишелью занялся, — угрюмо говорила Галя. — До чего я ненавижу Мишель! Наглая она девка, вот истина! И чёрт и с ним, с Де Артаньяном. И с ней тем более. Не вспоминай больше этот несчастный вечер.

— Да ведь он спросил, не сестра ли ты мне, например, сводная. Ага, — тянула Лена. — Вот те крест! Не вру, ей-богу!

— Ещё и про сестру загнула, — улыбалась Галя. — Хватит крутить мне мозги, Ленка! Мы с тобой похожи друг на друга просто как берёза с ёлкой. Полно сказки рассказывать!

— Да какие ещё сказки! — клялась Ленка. — Ей-богу, нет. Всё правда. У тебя фигура сказочная, а у меня что? Я маленькая, пухлая, круглая. Просто он заметил, что в нас есть общее — мы с тобой тепло друг к другу относимся. Вот он и сказал про сестру.

— При чём тут твоя фигура? — говорила Галя серьёзно. — Зато у тебя личико просто ангельское — наивное, детское, розовое. Да ты просто херувимчик! Правда, когда не пьёшь. Смотри не пей, Лена, лицо испортишь. Будешь в морщинах и разжиреешь. От пьянки все женщины и стареют, и полнеют, потому что после выпивки есть хочется. Так не похудеешь никогда, а наоборот, будешь выглядеть как колобок, самый настоящий. Вот и всё!

— Ей-богу, не буду больше поддавать, клянуся Богородицей-матушкой, — соглашалась Лена и смущённо прятала лицо в густой копне своих белых, крашенных перекисью, длинных волос.

Галя только качала молча головой, поглядывая на эту непроницаемую копну густых волос Лены. Наступало изрядное молчание.

— Я тебе замечаю про алкоголь, как медсестра, — наконец говорила Галя. — Я всё же успела поработать в больнице после окончания медучилища. Короче, я тебе добра желаю, Лена. Именно с точки зрения медицины. Не пей!

— Пью я или нет, но у меня всё равно никогда не будет такой осиной талии, как у тебя, — нередко говорила Лена, оправдываясь.

Но Галя на подобные фразы в ответ только качала небольшой своей головой с короткими, подстриженными волосами. Одни только чёрные её брови хмурились под длинной чёлкой на лбу. Галя низко наклоняла голову, скрывая своё лицо, и потому её длинная шея в такие минуты укоризны смотрелась ещё беззащитнее и тоньше, чем в обычные часы их пустого времяпровождения. У Гали были маленькие тёмные глаза. Она старалась их подкрасить так, чтобы они казались больше.

Галя носила только красные или чёрные туфли на высоких каблуках. Она выглядела моложе своих тридцати с лишним лет за счёт своей удивительной хрупкости и дорогой, со вкусом подобранной одежды. А Лена, напротив, особенно туфли не выбирала, носила поудобнее и пошире, на обыкновенном среднем каблуке.

— Ещё споткнусь и грохнусь где-нибудь по пьянке, — шутила Лена. — Какой мне ещё каблук после стакана коньяка?! Я вообще не выношу, когда мне туфли жмут, а они вечно мне жмут, как назло! У меня нога широкая, потому что все мои предки сроду были крестьяне крепостные, голь из голи, и всю дорогу шлёпали по дороге босиком. Вот и досталась мне та нога расхлябанная прямиком по наследству от предков. Вот бы мне туфли узкие носить бы, как у Галинки! Ох, была бы я девочка ненаглядная! Приглашали бы меня хоть в кино сниматься!

По родителям и предкам они тоже были разные, Галя и Лена. У родителей Гали в густом саду произрастали фруктовые и персиковые деревья и приносили естественные плоды не только рук человеческих, но и дары природы, южной, щедрой, солнечной. А в Смоленске, например, что растёт? Персики растут? Или грецкие орехи и персики на тамошний рынок привозят из южного края и по сказочной дороговизне на рынке продают? Там, в Смоленске, не то что персиков, да и вишни простой, как в Украине, тоже много не водится. В той полосе смоленской, исторической, великорусской, одни лишь яблоки растут. Нет, яблочными деревьями русский бог не обделил ни один край своей родной стороны. И потому Лена привыкла есть яблоки и, не претендуя на большее, всегда покупала при случае их и в магазинах, и на рынках. Правда, старалась купить подешевле. А Галя тянулась к апельсинам и ананасам, и вообще ко всему, чего у неё *никогда не было в детстве*. И к острой пище, например, тоже. Лена же часто ела вареники с картошкой или с творогом. Она лепила их проворно и быстро, свои знаменитые вареники.

Галя и Лена сидели в парке у пруда примерно час-полтора. Иногда они молча здесь сидели, при птицах и воде, и острые каблук туфель Гали изрядно и густо прокалывали утопанную землю у скамейки, как будто Галя воплощала всю энергию своего гибкого тела в эти бомбические, беспощадные каблук.

— Может, мы куда-нибудь на корабль возьмём да и наймёмся? Например, рыбные консервы закатывать? — задавала вдруг Лена вопрос. — Там деньги платят неплохие, мне говорили. Почему бы и нет? Простая жизнь! На питание хватит.

— Да ты с ума сошла! — рычала Галя в ужасе. — Там же, на корабле, грязища и вонища, драки, поножовщина, бандитизм, самые настоящие антисанитарные условия!

— Нет, надо двигать куда-то в Европу, — помолчав, снова говорила Галя. — Хочется пожить в культурной обстановке, покупать колбасу и сыр в нарядной и чистой упаковке, так что душа тому радуется, а не выстаивать у прилавка в магазине очередь за самым необходимым. За туалетной бумагой, например. Увидеть бы Париж, духи купить, посмотреть на витрины.

— Да ну его, этот Париж, к Лёшеньке лешему, — говорила Лена. — Во Франции лягушек люди лопают. А мне бы пирожков с грибами. Ехать можно в Америку. Всё-таки там разные люди из разных стран приехавши, даже из некультурных и бедных. И живут, существуют. Там пособие дают денежное, хватает на жизнь...

— В Америку с деньгами надо ехать, — многозначительно говорила Галя. — А те деньги, Леночка, не в сберегательной кассе копятся. Устроиться на работу можно, да сколько платить будут? Копейки! И ещё оскорблять будут, попробуй возрази какой-нибудь административной крысе. И не говори, Лена, «приехавши» — это неправильно. Скажи литературно, следи за речью. Надо сказать: «Там живут разные люди, прибывшие из разных стран».

— С моей тюремной припайкой куда-нибудь в дельное место устроиться трудно, — соглашалась Лена. — Надо, действительно, бабки прикопить. Деньги всегда пригодятся на чёрный день. А за речью своей я послежу, только ты очень уж ко мне придираешься, Галинка моя! Этак все люди говорят, и я говорю — приехавши! Что тут неправильного такого? Ну, сказала пару раз. Подумаешь, беда какая!

— Вот уедем куда-нибудь и откроем магазин, например, косметики или постельного белья, или парфюмерии, — утешалась мечтами Галя. — И будем свободные люди, независимые от коллектива. Или ты хочешь снова в коллектив? Чтобы тебя бабы на собрании месткома в землю живой закапывали?

Я имею опыт в этом деле. Что было — то было, снова не хочу. И не будь такой, как все, Леночка, и не слушай всех! А будь уверена в себе, и только в себе!

— В коллектив, плохой или хороший, или даже в распрекрасный меня и калачами на заманишь, и в эстрадный коллектив тем более, где одна бездарность на другой бездарности верхом сидит, и бездарность всех ещё и погоняет! — отвечала Лена. — Нет, я лучше в зону снова поеду на годик-другой! Или вот куплю себе пару пузырь-петровичей и такой устрою загул эстрадный на неделю! Буду тебе, Галочка, лучшие романсы из репертуара моего исполнять. И блатное что-нибудь тоже! Конечно, я — бывшая певица из рок-группы, но после зоны у меня репертуар обновился, и я сама тоже обновилась и творчески обогатилась тюремными песнями, хотя не дай бог никому такого обогащения! В чём я действительно уверена, так это в своём незабвенном тюремном опыте. И хотя в той же зоне встречались ещё какие умные женщины, всё равно там было мне очень даже тоскливо и несладко. С кем-то там хотя и можно было подружиться, но я не решилась. Я пела. Конечно, не часто, а только иногда в нашей тюремной самодеятельности. В основном я исполняла романсы. Например, «Калитку» или «Ночь светла». Пела всё, что женщины меня просили, например, их излюбленный «Текстильный городок». А потом перестала я петь. Женщины ведь все до единой плакали после этих моих песен. Воля им вспоминалась! И забоялась я. Возьмут меня да и прибьют! Нет, уж лучше не выступать. А то голос потерять можно после таких лихих побоев. А голос мне ещё пригодится. Вдруг снова найдётся эстрадная или какая-то *бродячая* рок-группа, которая меня к себе наконец-то заберёт. Да и скорее бы нашлась такая!

Лена закрывала глаза, выговаривая последнюю фразу о рок-группе, как будто сдерживая, заслоняя веками ужасные картины пережитых в тюрьме унижений, запомнившиеся сцены и события, готовые, кажется, вдруг вынырнуть из глубин памяти и вновь повториться. А возможно, что Лена просто сдерживала мгновенно подступавшие слёзы при одной лишь мысли о зоне и судебном следствии, в ходе которого ей был вынесен приговор. Суд над Леной был давно, девять лет назад, когда ей стукнуло всего лишь двадцать лет. Пытаясь стать эст-

радной певицей, Лена после окончания школы никуда учиться не пошла, хотя мать и советовала ей поступить в техникум или закончить хотя бы какое-нибудь училище, например швейное. Как ни стеснённо жили они с матерью, но ведь всё-таки жили, и мать, работая бухгалтером в домоуправлении, хотела также приобщить и Лену к упорному, неинтересному, но честному труду, хотя и чересчур низко оплачиваемому. Но Лена прикнула к одной из успешных, как ей казалось, джазовых групп, в которой числилось несколько смутных личностей, очень даже претендовавших на роли талантливых исполнителей и просто-напросто на звёзд. Группа называлась «Самострелы», и талантливость людей признавалась тут за неопровержимый факт, судя по количеству безобразных истерик и громких попок, каковые и способен был устроить тот обозначенный тонкий талант, страдавший от непризнания и непонимания окружающих его серых людей. Вскоре, сойдясь с басистом, то есть с малым, игравшим на бас-гитаре, Лена стала понемногу употреблять наркотики, доставая своему любимому марафет, без которого он не мог взять ни единой верной ноты. Имея дело с торговцами запрещённым товаром, Лена вскоре сама тоже начала перепродавать товар, опять же добывая деньги для любимого человека по его личной слёзной просьбе.

Бедствовать тот талант отнюдь не привык и хотел ежедневно поглощать ресторанный пищу и пить кофе с коньяком или хотя бы с ликёром. Под руководством своего любимого талантливого человека Лена впуталась в скандал, и дело о продаже наркотиков раскрылось. Начался суд и разбирательство. Талантливый любимый человек рьяно выкарабкивался в ходе судебного процесса, прикрываясь своими довольно зажиточными родителями и братом старшим, очень сообразительным, да ещё и в славной офицерской форме. В итоге все они удачно свалили на Лену свою собственную вину. Безответная она была, Ленка эта, безотцовщина бесталанная! Так ей и надо, раз попалась по собственной глупости. Нищей родилась, дурой и погибнет! Не сумела себя выкупить, не нашла ни копейки денег. А ведь могла откладывать себе на чёрный день, пока с товаром носилась по тайным адресам. Ну, что есть, то и есть. С Ленкой всё ясно, как божий день. А вот человеку с талантом надо быть умнее, богаче, изворотливее. Оно очень даже ко

времени и месту правильно звучало в одной песне: «Во всём нужна сноровка, закалка, тренировка!»

Как сказал Эжен Делакруа, известный философ, «то, что движет гениальными людьми, что вдохновляет их труд, — это вовсе не новые идеи, а их одержимость убеждениями, что всего, сказанного ранее другими людьми, крайне недостаточно».

И даже отчаянно, совсем и сверхнедостаточно, если вовремя не подготовиться к известному принципу подношения пухлого конверта с некоторым полезным содержимым кому следует. Оно так надёжнее.

Дальнейшее — молчание. Денежки всегда пригодятся в иных делах! Се ля ви!

Однако молодость подсудимой и её терпеливый русский нрав сыграли всё-таки свою необходимую роль и слегка смягчили судейские сердца. Ведь не только изо льда состоят они, сердца эти судейские, но попадают среди них и сердца мягкие такие, суконные. Встречаются, хотя и редко. Мягко впитывает слёзы такое сердце. Мягко и незаметно для посторонних глаз тяжелеет сукно от впитанного. Иная сердечная тяжесть, конечно, неизвестно как может обрушиться на несчастную жертву. Может, к примеру, даже и смертельно. Но ведь всё-таки впитываются они в сукно, слёзы горькие! Потому гражданку Алексеву Елену Васильевну отправили на зону всего-то на три годика с хвостиком в пару-другую месяцев. Но ведь всё-таки отправили!

После зоны, раздавленная и униженная, набравшись опыта от уголовниц разного калибра, Лена уже не вернулась в свой родной Смоленск. Она продолжала писать своей матери письма про тоску по Смоленщине, возвышенному краю, где так обильно полита земля кровью героев русских столетий. Лена писала и плакала! Но мысль о позоре среди тех, кто знал — и неплохо знал — её честное детство и неподкупную маму, была для Лены слишком невыносима и не допускала ни малейшей возможности возвращения в родные места. Лена вначале и вправду пыталась работать на швейных фабриках, обучившись на зоне профессии швеи, к чему призывала её когда-то мама. Но потом Лена начала цепляться за мужчин, прикладываясь к спиртному всё чаще и чаще, имея дело преимущественно с рыночными торговцами и шашлычниками. Наконец Лена

добралась, следуя ступеням переменчивой своей судьбы, до южного города Дагомыса, где в те годы была открыта модная, буйная и знойная дискотека и где, по слухам, был хороший, хотя и немного специфический, женский заработок. Здесь и встретились они, Лена с Галей, и жалкая жизнь Лены изменилась впечатляюще и значительно, зримо и явно для тех, кто смотрел на Лену свысока и презрительно — на дешёвенькие её ситцевые платица. Галя вытащила Лену из *подвала жизни*, как иногда образно выражалась Галя, помня прочитанное на уроках литературы в школе и особенно помня имена спорных авторов, то есть первого же из таких — Николая Гавриловича Чернышевского.

Разумеется, жизнь Лены или Гали истории пока не принадлежала, но в истории их жизни хорошие валютные заработки играли большую роль и были гораздо значительней швейной машинки Лены. Мечта о швейном производстве так и осталась в России мечтой со знаком качества, то есть удивительно недостижимой и топорной мечтой, тем более что и вечно-то в отечестве нашем звали к топору, а не к ножницам, необходимым только для ежедневной бытовухи. Итак, Галя отвела Лену «стричь купоны» в валютном баре и для начала свела кое с кем из своих бывших, изрядно надоевших поклонников. Галя объясняла свою дружбу с Леной, столь бескорыстную, именно первым часом их знакомства. Она вспоминала об этом часе так:

— За мной в то лето ужасно следили гэбисты. Я была в ударе, танцевала на дискотеке до упаду, и вся публика тарасилась только на меня! Когда я входила в зал дискотеки в своём белом платье в обтяжку, с чёрным поясочком на талии, танец прерывался, и оркестр играл мне туш! У меня каждый вечер была полная сумка немецких марок и шиллингов, и фунты английские тоже водились. А потом и долларами я разжилась! И решила я тогда обменять пару долларов на свои рубли, кровные, советские, и ведь не наоборот, представьте! И что же вышло? На том именно они и засеки меня, родные мои гэбисты! И начали они на меня милицию травить во всю их тайную мощь, и коварно травили, жестоко, гадости делали мне из зависти, что совершенно ясно. Ведь я с КГБ деньгами не делилась. Они, бедняги, почувствовали резкий урон, потому что если кто-нибудь из девиц, часто обитавших в валютном

баре, наверняка делился с ними прибылью, то теперь наступил кризис. Нечем тем девицам-красавицам делиться стало. Ведь всех поклонников я себе в то лето загребла. Крупный у меня был успех, как никогда. А ведь не постельные дела я в те дни проворачивала, совсем нет. Я танцевала до упаду, с партнёрами или без них. Ох, я была тогда в ударе! Как будто я была в параллельном мире, где японская та девушка из Нагасаки отплясывала джигу в кабаке! Как оно в песне пелось. И деньги мне мужчины просто кидали в мою раскрытую, вышитую жёлтым бисером, сумку-торбу.

В этом месте своей исповеди Галя нарочно тяжело вздыхала и неторопливо продолжала свои, почти мемуарные, но вполне искренние признания:

— Да, я тогда была словно во сне, и гром аплодисментов лился по кругу зрителей, сопровождавших мой неистовый пляс. И я ощутила себя воистину богатой и настоящей *гейшей*. Но как только я стала богаче, я сразу стала жаднее, по закону жизни нашей преподлой. Упорно не желала я платить барменам валютой за своё пребывание в баре, решила, что хватит с них, скотов, и наших советских красеньких бумажечек. Да и щеголять своим богатством мне перед барменами особенно не хотелось. Они сами ребята небедные, хотя им всё мало да мало! С меня они шкуру живьём сдирали каждый вечер — я им в три раза больше за стакан коктейля платила, хотя другие девчонки платили только вдвойне. Бармены меня по одежке встречали — дорого я была одета, как королева. Потому подсчитали они весьма тщательно, сколько именно им с меня следует сдирать.

Пристал ко мне Лёша-бармен. Он у них за стойкой бара *главарём* был. Помню, спрашивает: «Процветаешь, значит, дорогая наша, любимая, позолоченная наша Галочка? — а потом выкладывает: — Плати ещё! Кто упаковался плотно — обязан делиться с сочувствующими, а мы, вот, сочувствуем тебе от всего нашего коллективного сердца, и потому каждый вечер ты тут у нас, в баре, славно пасёшься. А то — пора и честь знать, уходи к морю на каникулы. Пляж открыт для всех, а бар — только для избранных судьбы! И наша милиция наш бар бережёт, о чём ты, Галочка, — говорит, — прекрасно знаешь!» Засмеялась я ему в лицо, Лёшеньке толстенькому. «Разъел-

ся, — говорю, — ты, товарищ советский бармен, вместе со всей своей бригадой коммунистического труда. Жир у вас на животиках у всех отвисает, а под животиком не жирок надо прикапливать, а другое беречь от ожирения, чтобы та игрушечка безотказно сработала в нужный час!» Нет, не побоялась я Лёшеньку отбрить. Да и что мне бояться было? Вся милиция была мной одарена щедро, по согласию и без согласия тоже. То есть добровольно я дарила японские зонтики и колготки их жёнам и дочкам, а джин и ром гавайский мужья, блюстители порядка, у меня сами забирали при встрече в ночи, потому что нагло обшаривали мою сумку и свёртки, превышая свою власть. Да чёрт с ними, я на спиртное не жадная, хотя мне дарили коньяки и ликёры. Это всё спиртное, как ходовой товар, я удачно сбывала алкашне. Неплохо я крутилась, помню. Но всё когда-нибудь кончается, это точнее точного!

И грянул надо мной гром зависти и злобы человеческой. Схватила меня бережная наша милиция вместе с антинародной-высокородной дружиной. Прямо у входа на дискотеку меня защёлкнули в наручники. Очень смеялись надо мной, предлагали даже сигаретку раскурить для меня, если уж курить захочу, но «пока что» пачку «Мальборо» у меня забрали. «Пока что!» Вот сволочи! Ясно, что совсем конфисковали, как личное хозяйство для организации колхозов в горячую пору установления советской власти на селе. Прямо хоть плачь! И отвезли меня в отделение милиции для устрашения моего, и заперли в камеру. А курить хочется — просто сил нет! Оглядываюсь я по сторонам — у кого сигаретку стрельнуть? Вижу, народ в кутузке собрался, ну, самый распоследний, оборванный и блатной, с опухшими рожами народ. «Конечно, — думаю я про себя, — сигаретки мне не только не дадут, но даже и затынуться ни разу не придётся — зависть этих алкашных тёлочек заест, ведь на мне пиджак надет, весь в стекле и золочёных нашивках, фирмы «Эскада». Как же не обгадить меня, хотя бы за пиджак мой такой?» Жаба зависти, она всех душит, тем более в подвале жизни. «Сейчас и побьют меня, — думаю, — ведь по пиджаку видно, что девочка я не простая, а валютная».

На этом эпизоде своего искреннего покаянного рассказа Галя начинала размеренно качать своей головой, наклоня низко гибкую свою шею и энергично играя чёрными бровями

своими под длинной густой чёлкой совершенно прямых волос. С минуту длилось загадочное, даже напряжённое молчание, а потом Галя резко вскидывала свою голову и решительно, хотя и негромко, но удивительно спокойно продолжала так:

— И отважилась я в те роковые минуты моей шалой жизни слегка подурачиться, разгоняя свои дурные предчувствия. Ведь каждому из нас в жизни приходилось не раз прикидываться смиренной и глупой овечкой. И начала я тянуть тогда тоненьким речитативом, словно вновь оказалась в школьном хоре:

Бывает всё на свете хорошо,
 В чём дело — сразу не поймёшь,
 А просто летний дождь прошёл,
 Нормальный, летний дождь!
 Мелькнёт в толпе знакомое лицо,
 Весёлые глаза!
 А в них блестит Садовое кольцо
 И летняя гроза!

— Вот так тяну я, значит, себе тихонечко и приплясываю тоже осторожненько, но упорно. И тут вижу я, что в самом углу проклятой милицейской камеры предварительного заключения рядом с бабёнками колоритными девчонка мне знакомая сидит. Вчера при мне её из бара Лёша выставил за дверь в наказание за простецкий её видок. Её костюм этого сноба Лёшу просто *лично оскорбил*, можно сказать. И Лёша на неё, на девчонку эту, как зверь накинулся с криком:

— Прочь, прочь вали отсюда, дура ты холопная! Да побыстрее! Чтоб я тебя больше здесь в глаза не видел до самой моей старости! Чтоб духу твоего здесь не было! Эх, дура ты сельская! Деревня! Дурёха от самой от сохи! Здесь тебе валютный бар, а не пивной ларёк налево за углом слободской улицы в городе твоей розовой мечты Мухосранске!

Тогда пригляделась я к этой девчонке. В чём-то этот Лёша был практически прав.

Да и то сказать — невозможно глупее придумать, как надеть на себя вельветовый коричневый комбинезон фирмы «*подмосковный городок*», когда идёшь в валютный бар! И помню я, что в камере этой сразу и возникла у меня мысль: вот эта,

думаю, наивная девчущечка с глупенькой мордашкой первенькая и начнёт меня сразу по полу валять, за то, что я вчера над ней в баре захихикала, когда её Лёша выставлял. И заберёт она, я думаю, мой пиджачишко за две штуки себе в гардероб под общий смех всех остальных. Но Ленка — это, понятно, была она! — сидит себе с какой-то холерой-алкашкой в обнимку и мне подмигивает да сама улыбается: сейчас, мол, подожди, в момент разберёмся, что к чему и почему. Подходи, не бойся! Присоединяйся, мол, к нам. И курит она, Ленка эта, аккуратненько так, себе в ладошку, почти не дыша, чтобы другие на табачный дым не реагировали лишний раз, если некурящие. И подхожу я к Ленке, помню, довольно гордо — надают по физиономии, так надают, не умирать же теперь от страха! — и говорю: «Здравствуйте, девочки. Хорошо тут у вас, я чувствую». А Ленка отвечает мне шёпотом: «Хорошо, родненькая, только там, где нас нетути! Не хочешь ли покурить? Мы богатенькие нынче, у нас целая пачка «Примы» осталась припрятанной от милиции. На, кури! Твоё валютное «Мальборо» они заграбастали, а на «Приму» они и глазом своим зорким не повели. Нужна она им очень, «Прима» наша народная! Вот и ты «Примой» не побрезгуй, и нас не бойся. Бери дымок на зубок. Мы нынче мирные. И не дрожи, как осиновый лист, это не зона. К утру нас отсюда всех выпустят, только исповедь про каждого составят. Хотя я лично в этой академии сижу вторые сутки, потому что у меня паспорт забрали, а там прописано у меня чёрным по белому, что я блатная, то есть ранее судимая. А тебя выпустят, только тебе выкупать себя под денежный залог придётся. Это они придумали, чтобы содрать деньги с того, у кого они водятся, и себе захватить им надо побольше. У тебя, тем более, бабки водятся, они заметили тебя, видно, давно — вона *спиджак* на тебе какой! Да не бойся за него, мы не отнимем. Мы у своих не казачим!»

На этом месте своего пространного монолога Галя глубоко вздохнула и заключала примерно так:

— Вот какая она была тогда, Ленка наша, совсем махровая, блатная. Только на тюремном жаргоне выражалась. «Спиджак» говорила, вместо слова «пиджак». Ужас просто, как некультурно! Но за доброту её забываемую я позже эту Ленку мою уму-разуму научила. И она стала жить не хуже Лёши-барме-

на, который ей потом проходу не давал и предлагал *любовь и дружбу!* Это когда я Лену одела, умыла да причесала и в бар привела. Помнишь, Лена? Он прямо обалдел от неё, гусь лапчатый! Она же красивая, Ленка наша! Лёша даже воспитывать нас начал. «Надо, — говорит, — стараться честным трудом жить. А то, чем вы занимаетесь, девчонки мои милые, это вам совсем не к лицу и очень даже стыдно! Надо вам, пожалуй, подумать о создании семьи, подойти к вопросу этому серьёзно, научиться прилично готовить супы и жаркое и подцепить подходящего жениха, не особо осуждая его за бытовуху суровой нашей, обыденной жизни. Я вот, например, давно строю планы о создании своей семьи».

Но Лена вспоминала этот эпизод первого своего знакомства с Галей иначе:

— Валютные девочки — они все ужасно трусливые. Галка, когда в первый раз в ментовку попала, так у неё такие слёзы на глазах выступили крупные, что твоя горная речка Терек! Снимает Галка, помню, быстренько с себя свой пиджак с зеркалами и закладывает себе под мышку — думает, что отберём мы у неё пиджак *еёный!* А мы с кисками просто так сидели, расслабившись, курили себе, о любви мы тогда ворковали. Одну киску еёный хахаль сильно измочалил, а ведь она его полностью содержала! Вот обидно-то стало ей! Можно понять. Тем более он у неё нигде и не фарцевал, и не работал. Зачем же, спрашивается, надо было её ещё так отоваривать? Нет, не любил он её, как и меня мой басист из нашей рок-группы. Хотя русская пословица и говорит: «бьёт — значит любит». Конечно, попади Галинка нам в другую минуту — неизвестно оно, что бы мы с ней сделали. Но сильно трепать всё равно не стали бы — уж очень жалкий вид у неё был, аж очко на ноль вылезло! Мандражировала она ужасно, видно было, что в мусарне впервые в жизни. Можно понять. А у нас хорошая минута была, мы сидели себе, картинки рисовали, лапшу друг другу на ум вешали. И порешили мы на том, что надо ей дать дымок на зубок, Галке этой. Закурить, то есть, по-лагерному...

А Галя частенько повторяла про Лену такое вот:

— Если бы я не увела эту захудалую клячу Ленку из подвала жизни, она бы до конца своих дней так бы из тюряги в тюрягу шныряла бы и шныряла. Но я отблагодарила её за своё лич-

ное спасение — одела её в пять минут с ног до головы на свои собственные деньги. Лена мне потом часть денег отдала, но я всё с неё не взяла! Я считала, что подарок ей сделала — ведь меня могли в этой камере просто изуродовать, синяк мне под глаз закатить, например.

Галя глубоко вздыхала и продолжала так:

— Ещё и шрам бы остался у меня под глазом, чего доброго! Много ли ещё надо добавить к моему ужасному лицу? Вот уж была бы последняя капля — шрамище! И я подарила Ленке одну из своих модных сумочек, а именно: из натуральной крокодиловой кожи, причём совсем безвозмездно. Мы поехали с ней в культурный эстонский город Таллин поработать на славу в гостинице «Виру» и не маячить больше на глазах у всеядного бармена Лёши. Да и не люблю я так явно и прозрачно светиться перед местной областной властью. Привыкла я иметь дело со столичным составом гэбистов, задействованных в операции по вылавливанию валютных тёлочек. Воспитанный народ! Наручниками не трясут. Тихо на ушко шепчут девочке пару слов и в машину под локотки аккуратно вдвоём подсаживают. А там уж катают по всем тупикам и котлованам будущих строек города, прочищают мозги, запугивают в ночной темнотище. Сведения собирают о людях совсем не бедных — кого я знаю из золотопогонников, например, кого из спортивного мира? Кое в чём приходилось мне с ними иногда соглашаться, но правда то, что я ни разу перед ними до конца не раскололась, хотя опасалась их до ужаса! Того и гляди, проломают голову да и выкинут в глубокий котлован новостройки! Кто я для них такая? Персона нон-гранта, как говорится. А ведь я бывшая медсестра, и с больными людьми и даже с бандитами я ладить всегда умела, когда в одной серьёзной больнице работала. Да что вспоминать? Деньги эти *властелины мира* любят не меньше меня, а даже больше. Да и какое мне дело до их бога и закона?

В этом месте своей исповеди Галя слегка затягивала длинную паузу и, будто вспоминая непреложную истину, задумчиво продолжала:

— Итак, в Таллине мы с Ленкой немного передохнули, сняли чистенькую комнатку в микрорайоне у старой эстонки, которая, к счастью, и не подозревала себе, что мы за птицы такие.

Мы ей соврали, что мы студентки из Москвы. Но в Таллине Ленка начала вдруг замуж выходить, следуя совету бармена Лёши, и связалась с упитанным эстонцем. Начала ему рецептами грибного супа мозги пудрить. Эстонцу этому её голос понравился, Лена везде старается подпевать при случае, потому что она ведь певица бывшая из рок-группы. Прилип к ней тот эстонец, тоже музыкант он был, саксофонист. Ни минуты без неё прожить не мог, то звонил с утра, то ужинал с нами до самой ночи в каком-нибудь кафе. В Таллине есть славные уголки, где время можно недурно провести, это правда. Ну, тут я не стерпела и на глазах у него из Таллина Ленку просто увезла. Затолкнула её в такси ночью, и мы погнались. И объяснила я Лене раз и навсегда, что в любой ситуации — деньги лучше и надёжнее. Как говорится, любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда...

Бывало иногда, что Лена говорила задумчиво:

— Галя — она ужасно жестокая в душе. У неё детство было плохое, никто её не любил, вот потому она такая. У меня хоть мамка есть, она меня любит, я знаю! А Галя не привязывается душой ни к кому, никаких амуров — деньги и только деньги. И с грузинами, к примеру, она мне встречаться не даёт, а ведь грузины очень славные ребята. Но Галка меня пилит: «Не распускайся, — говорит, — Ленка!» Галя не оставляет мне ни малейших шансов на замужество. И фарцевать она не любит. Это, говорит, низкий предмет — спекуляция. Галка потому ищет и ищет всё новых клиентов, как неистовая, и на одежду денег уйму бухает. «Надо, говорит, — выглядеть порядочными. Встречают по одежке». Принца ей, что ли, встретить охота? Или ей герцога надо в мужья? Перебирает мужиков: этот не такой, и тот слишком жадный! И ни в кого Галя не влюбится никак! Вот беда.

А я торгую, если деньги нужны, зонтики и колготки я продаю, — разве можно из всех мужиков подряд только деньги тянуть? Влюбиться тоже хочется! Но Галка всё пилит меня — и кофта на мне не такая, и туфли не на каблуке. Да что ещё надо ей от меня? Я и так при ней очень даже поднялась, больше не пацанка и по фене не выражаюсь.

Галя, бывает, тоже говорит про Ленку в иные дурные минуты:

— Вчера говорю я Ленке: «Бубновый папуас ты, Ленка, а не женщина, вот что истина! Посмотри на себя! Снова кофту и юбочку короткую надела, ноги свои толстые выставлять на-показ? Где твоё длинное синее платье с глубоким декольте? У тебя ведь грудь высокая, красивая, не прыщики, как у меня. Надо следить за собой, Леночка, запомни, если жизнь хочешь устроить! Скоро в ватнике в бар пойдёшь. Только на жарчку деньги транжиришь, а надо диету соблюдать хоть немного. Зачем свиной польской колбасы накупила? Надо фрукты есть, а с колбасы и хлеба тебя разнесёт вширь. И на картошку вообще даже не смотри, если хочешь мне остаться подругой». Надо же её воспитывать как-то, Ленку. Культура — она в еде тоже проявляется. Да, я откровенно ей всё сказала. Пусть хоть сто раз на меня обижается.

А Лена, бывало, делилась:

— Галя — удивительная женщина, на еду деньги жалеет, сидит почти голодом. Острую пищу только ест — а ведь этого много не съешь. Фигуру она свою ужасно бережёт. Вот пожила бы она у нас в Смоленске пару лет — не до фигуры было бы, всё бы подряд лопала, только под руку попади. Ох, голодный у нас край. Он когда-то был богатый, да постепенно *вымерли они его!* Да, он не сам вымер! У нас в Смоленске много кто и говорит, и думает *не так!* Всё-таки Смоленщина — это край военный, героический. И народ у нас всегда был красивый и умный. Вольный и сильный у нас народ, по своим предкам и по своему потомству. Вот и я тоже такая. Я за Галку заступилась в камере, но она меня совершенно не понимает, и песни мне петь не даёт, и пластинки слушать не велит. «К чему, — говорит, — душу бередить? Смотри на вещи трезво!» Это потому, что у неё мордашка не лучше, чем моя жизнь! Кто же на Галку лишний раз позарится? Только и держится она тем, что худенькая, да одевается с большим вкусом, а если она располнеет — будет мёртвый сезон! Она просто вымрет как тёлка для валютного бара. Всё-таки Галка ужасно некрасивая, просто у неё есть свой лоск. Она *шикарная*, хотя у неё неправильные черты лица.

А Галя признается тоже про Лену:

— Лена, говорю я ей, людей в баре локтями не толкай! Ты же не в зоне больше, помни! Подходи к стойке бара неторопливо, интеллигентно так, немного задумчиво. Платье на тебе

вечернее, с декольте. Вот и двигайся красиво, медленно. Умей подать себя, Лена! Ведь ты сейчас себя продаёшь, а товар — он должен выглядеть! И за языком своим следи даже в быту, а не только на людях. Не говори мне — «плесни чифирия в шляпку!» А скажи: «Галя, налей мне чаю в чашечку!» И добавь волшебное слово — «пожалуйста»!

Да, бывает, что Галя и Лена друг о друге болтают. Говорильня, как и во всей нашей России-матушке, процветает даже в быту, среди друзей. Но близкая подруга Галя всё-таки отводит от Лены жабу людской зависти:

— Конечно, Лена любит пожрать и выпить за чужой счёт, это мы все знаем. Но почему ей это удаётся — вот вопрос. Да потому, что она компанейская и весёлая, наша Ленка! Поёт она как, все слышали? Она же ангел поющий! Боже, какой у неё голос сильный! Недаром она бывшая певица из известной рок-группы и вообще будущая суперзвезда! Потому, когда мы попадаем в компанию, Ленка сразу становится душой всего общества. Она же просто свой сольный концерт устраивает из этого вечера! От неё сойдёт с ума в компании любой парень. А как она на гитаре здорово играет, а потом ещё и анекдотов пару про зону расскажет! Правда, я об этом ей болтать запрещаю. Да, она такая задушевная, наша Лена, и потому весь вечер её угощают всем, что на столе есть. Ей в тарелку накладывают и салатов, и шримпов, и всего понемножку, — получается целая гора закуски. Как не съесть? Лена никого и никогда от себя не оттолкнёт, мухи она не обидит, наша Лена. Правда, она очень влюбчивая. Надо всё-таки быть твёрже и разумнее. Но она действительно человек очень талантливый, хотя из ужасно бедной семьи. Зато родом из древнего города Смоленска, куда все графы Румянцевы и князья Потёмкины ездили из века в век на военные учения и смотры. Вот уж наклепали они вдоволь по Смоленщине внебрачных детишек сотням крестьянок! И расцвела на смоленских лицах красота та русская, аристократическая, унаследовалась от знати голубых кровей. Волосы у Ленки, посмотрите, какие густые, а нос какой точёный! Она на лицо не хуже какой-нибудь певицы Шелгуновой, бывшей крепостной девушки и жены законной потом, то есть дорогой супруги графа Шереметьева, увековеченной на портрете кисти известного художника Петра Аргунова.

А Лена насчёт Гали, бывало, приговаривала:

— Нет, киски, вы должны Галинку правильно понимать! Она жестокая, это — полняк. Да ведь таким становится каждый человек, если он защищает себя. Вот даже мой басист на суде на меня кучу разной подлянки возвёл, потому что он себя защищал. Я его простила, потому что очень его любила, и я его не продала, ничего про него не рассказала. И Галя тоже защищает себя. Как? Деньгами! Ей нужно больше денег, чем нам, киски. Она очень специфическая. Ей очень трудно выйти замуж с такой мордашкой. А нам — что? Стоит лишь глазом мигнуть — и все парни наши будут. Но вот Гале бы надо выйти замуж за того, кто сам тянется к культуре и роскоши — вот этим Галка сумеет мужа окружить. Надо ей для жизни кубышку скопить, хотя бы небольшую. Потом, конечно, ушатиков мужу нарожает. И там — стерпится-слубится. Её надо не проклинать, а жалеть и любить, мою Галинку родную! Посмотрите на неё — как её природа жестоко обидела! Глазки у неё совсем крошечные, узкие, рот большой, а подбородок какой-то сплюснутый. Её даже родители не любили за то, что у неё такое лицо, хотя они люди зажиточные, а не гольтьба. Но зато они глупые, как тундра! Как можно не любить собственного ребёнка? Вот потому она такая замкнутая в себе, Галя наша, и суеверная она, просто до смешного, хотя она медик по образованию. Она медсестра и в бога не верит, зато верит в нечистого и в судьбу! В тёмную комнату ни за что не войдёт, чёрных кошек побаивается.

Это была правда. Галя иногда говорила твёрдо, заключая рассуждения о риске в их профессии:

— Кому суждено быть повешенным — тот не утонет!

А Лена, вздыхая, иногда шептала:

— Помилуй мя, Боже, по великой милости твоей и по множеству щедрот твоих очисти беззаконие моё! Богородице-матушке, заступнице Смоленской, прилежно ныне припадём в покаянии, зовущи из глубины души: «Владычице, помози, погибаем!» Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно и во Веки веков. Аминь.

ЭПИЛОГ

Потом случилась катастрофа — распался Советский Союз. Сотни бывших советских людей торопливо выехали из страны, которая так долго внушала им мысль о невозможности проживания в капиталистическом мире. Практически оказалось, что советская власть была частично права, когда предупреждала своих бывших граждан о трудностях эмиграции. Но эмигранты преодолевали, как могли, эти трудности, были готовы выполнять любую тяжёлую работу и получали с улыбкой свои честно заработанные деньги, хотя бы даже небольшие. Жизнь эмигрантов в Америке, например, медленно, но верно выравнивалась.

В конце девяностых в далёкой Австралии стала вдруг заметной в кругах русской эмиграции необычайно миловидная женщина, возраст которой было трудно определить по её внешнему виду. Она выглядела весьма элегантно даже в недорогой, но модной одежде, и в волосах её, рыжеватых и длинных, угадывались искусно закрашенные тонкие пряди седины. Она не была нелегальной эмигранткой в Австралии, а прибыла в её столицу вместе с мужем, гражданином Австралии, который имел в этой стране старинный просторный дом, доставшийся ему от предков, где семейная пара и поселилась. Они выглядели счастливыми, но счастье оказалось недолгим, поскольку австралиец внезапно умер, хотя не прошло и года его семейной жизни. Как оказалась, он только собирался оформить официально свой брак с этой русской эмигранткой, много моложе его, но не успел. Многочислен-

ные родственники его начали тяжбу с русской женщиной за право её проживания в богатом доме, а также за права принадлежности ей части капиталов её гражданского мужа. Русская подала в суд на всю ораву родни супруга и, к счастью, получила часть денег, но право на проживание в старинном доме ей суд не присудил. Поэтому она нашла себе небольшую чистую квартиру в Сиднее, выехав из старинного дома и забрав свои вещи и подарки её умершего мужа. У неё не было никаких особенных и полезных знакомств, и друзей себе она не искала. Однако в ходе судебных разборок выяснилось, что подцепила эта дамочка своего австралийца в Канаде, где сумела остаться, убежав из русского самолёта, где работала стюардессой на международных линиях. Нервы её в ходе судебных заморочек были напряжены, но у неё хватило силы воли и ума не браниться и не оскорблять в целом никого из приятелей своего мужа. Потому её лично эти приятели жалели, припоминая хорошие отношения супружеской пары, и практически помогли вдове, выхлопотав для неё правдами и неправдами государственную пенсию. Женщину звали Мишель, хотя была она, естественно, далеко не француженка. Детей и родственников у неё не было. Она говорила, что все умерли...

Однажды, когда где-то на окраинах в Сиднее образовалась группа русских театральных деятелей, которые пытались создать драматический театр, Мишель появилась там. Театральный коллектив, ещё только недавно сплотившийся в своих горячих порывах к творческой работе и любви к театру, неплохо, с явной симпатией, принял было Мишель в свои ряды. Ставили они тогда пьесу А. П. Чехова «Вишнёвый сад». Мишель претендовала на роль Раневской, но эта роль уже была отдана другой актрисе. Мишель не смирилась с отказом, повела себя агрессивно и грубо, оскорбляя почти каждого артиста группы. Возможно, эти люди были скорее любителями, чем профессионалами, но во всяком случае Мишель не простили, и в группе по отношению к ней начался явный бойкот. Несмотря на многие меткие замечания по ходу пьесы Чехова, который были высказаны Мишелью вслух к сведению, так сказать, неопытного режиссёра, сработаться с группой начинающего театра у неё не получилось.

ЭПИЛОГ

Мишель прожила ещё примерно год в Сиднее после этого случая. А потом она оставила свою квартирку и уехала куда-то в Канаду, как говорили некоторые её соседи по многоэтажному дому, где она проживала. Возможно, она живёт в Канаде до сих пор. А возможно, что и нет. Скорее всего, она уехала из столицы Австралии куда-то подальше, в маленький город, где жизнь дешевле и легче, наверное, прослыть за порядочную вдову, которой суждено до конца своих дней оплакивать прекрасного, достойного и состоятельного мужа. Но это именно и только *вероятно*. Но где именно, в какой части нашей Земли обитает нынче Лариса Радневинская, она же француженка Мишель, сказать очень трудно. Я этого просто не знаю и предполагать не хочу...

Наталья Асенкова (Тамара Хайленко) родилась и училась в г. Алма-Ате. Окончила филологический факультет Казахского государственного университета им. С. М. Кирова. Проживает в США с 1989 года. Автор сборников прозы и романов «Художники», «Ещё идут старинные часы», «Командировочные», «На фоне Кормильца», «Принцы и короли», «Ситуация», «Пара гнедых» и др. Критик журнала «Новый мир» В. Я. Лакшин высоко оценил её роман «Вычисление личности», который удалось напечатать лишь через тридцать лет после написания.

В прозе Натальи Асенковой есть и мысль, и своя поэзия, а главное — напор жизни мучительной, горькой и не подкрашенной, какая почти исчезла из современной литературы. Проза эта очень искренняя, порой до грубости, и очень женская, то есть тонкая и точная в тех оттенках чувств и переживаний, которые особенно понятны женской душе.

Владимир Лакшин, литературный критик

Произведения Натальи Асенковой — это не только реалистичные, пронзительные картины истории и жизни страны, рассказанные ярким литературным языком, но и выраженные в высокой художественной форме чувства сострадания, любви к простому человеку и преданности вечным человеческим ценностям.

Татьяна Копыленко, писатель

ISBN 978-1-960533-31-9

9 781960 533319